

Физик и математик Владлен Николаевич Шигаев

Кандидат технических наук, физик и математик, он уже почти полвека работает в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ) в подмосковной Дубне, занимаясь разработкой и реализацией важнейших проектов в области автоматизации физических экспериментов.

Это типичный трудоголик, привыкший продолжать творческую работу даже в период очередного отпуски, с той лишь разницей, что тогда он делает ее в чуть более комфортных условиях, чем обычно, и административные обязанности временно отходят в сторону. Такая форма деятельности стала типичной для многих сотрудников института. А первоначально она была открыта и внедрена в жизнь в 1960-х годах учеными из Лаборатории теоретической физики.

Владлен Николаевич великодушный собеседник. Хороший психолог, он тонко улавливает настроение человека, его духовные запросы и на ходу корректирует предмет разговора. С одними людьми он обсуждает новости науки, с другими беседует на общественно-политические темы, с третьими — на житейские, а кому-то терпеливо разъясняет основы того или иного подхода к оздоровлению организма.

— В последние годы на прилавки магазинов хлынул бурный поток популярной литературы сомнительного содержания на тему целительства, — говорит о назревшей проблеме Владлен Николаевич, увидев меня возле книжного прилавка в магазине «Пятерочка». — Этот поток формируется исключительно интересами бизнеса, а не заботой о здоровье граждан. Действительно полезных книг, достойных прочтения, не более одного — двух процентов. А ведь некритическое использование информации просто опасно для здоровья.

Обратить внимание своих друзей и коллег на полезные книги он считает своим долгом, ради чего иногда даже покупает сразу несколько экземпляров понравившихся ему книг, чтобы раздарить их друзьям.

К вопросам оздоровления организма и поддержания хорошей физической формы Владлен Николаевич старается подходить профессионально, как к решению научной проблемы. Заниматься этим он начал еще в семидесятых годах, когда в стране возникло повальное увлечение бегом трусцой, и в газете «Советский спорт» появилась страничка

«Клуб любителей бега». В те времена уже нетрудно было достать полудекалными путями книги таких авторов, как Поль Брэгг или Уокер, в крайнем случае, машинописные копии этих книг, а эксперименты Галины Шаталовой с группами подопытных добровольцев широко рекламировались в советской прессе.

Приезжала Шаталова со своими пациентами и в Дубну, выступала в Доме Учёных ОИЯИ, но заметного успеха не добилась, хотя и было несколько примеров, когда мастигые учёные, как дети, поддавались гипнозу этой энергичной целительницы, ожидая чуда и забывая о здравом смысле. Впрочем, отрезвление приходило довольно быстро.

Владлен Николаевич ни одну методику не принимал на веру, а всегда пытался разобрататься в механизмах, которые обещечивают тот или иной успех системы, старался выяснить, на какие именно объективные законы физиологии всё это опирается. А, следовательно, чтобы получить исчерпывающий ответ, надо было проводить эксперименты на себе. Причём эксперименты длительные, на протяжении многих лет, подчас связанные с определённым риском.

— Я приобрёл личный практический опыт, — объясняет он, — и мог уже обоснованно, а не понаслышке, судить о плюсах и минусах системы Брэгга и близких к нему систем Шелтона и Николаева. И вы знаете, некоторые результаты меня удивляли. В частности, я убедился в огромных возможностях адаптации человеческого организма к экстремальным условиям. Несмотря на то, что мое питание, по условию эксперимента, было малокалорийным, я выдерживал очень большой объём физических нагрузок: помимо ежедневных пробежек по пять километров, в выходные дни я мог увеличить дистанцию до двадцати пяти — тридцати пяти километров, а иногда и до шестидесяти.

Обычно Владлен Николаевич пребывал в хорошем расположении духа, часто шутил. Но бывали и такие дни, когда он выглядел удрученным, сломятым бедой, обрушившейся на него. Особенно, если терял кого-то из друзей. Он остро переживал, если заболел кто-либо из его знакомых, и старался непременно помочь. Приобретал нужные книги и снабжал ими больного или его родных, если считал, что они могут принести пользу; выискивал новые нетрадиционные методики лечения. Если заболевший находился в другом городе, то высылал найденную литературу по почте или даже ездил в Москву, чтобы передать книги через проводников поезда.

Однажды он сказал мне, что, к сожалению, не успел вовремя найти нужную информацию и поэтому не смог помочь одной умирающей от рака женщине. Если не ошибаюсь, своей бывшей однокурснице. А те-

перь, говорит, имею книги, где изложены нетрадиционные методики, дающие шанс на спасение, а что толку? Человека уже не вернуть, вот если бы раньше...

Во время наших бесед у книжного прилавка он нередко приводил высказывания и цитаты на других языках.

— Нет, я не полиглот, — предвидя мой вопрос, начал он раскручивать тему. — Но овладеет основами нескольких иностранных языков заставила сама жизнь. Так, с четвертого класса пришлось учить в школе латышский язык, причём учить всерьёз. Дело было сразу после войны, в Риге. Там же изучал английский. До сих пор с благодарностью вспоминаю своего преподавателя английского языка Вайсмана Григория Израилевича, который нестандартно, творчески проводил занятия с классом.

А на первом курсе физического факультета МГУ студентов заставили изучать иностранный язык, отличный от школьного. Для Шигаева это был немецкий. И хотя курс немецкого языка был пройден им на «отлично», при первой же возможности он вернулся к английскому как наиболее востребованному в области физики

— Видимо, война сформировала где-то в подкорке отторжение немецкого языка, которое так и не стёрлось за всю жизнь, — признается он.

И рассказывает о том, как ему пришлось осваивать французский язык, чтобы ориентироваться на рабочих семинарах и в общении с коллегами. А затем, в течение трех месяцев, еще и итальянский язык, так как главный специалист с итальянской стороны по совместной работе с ОИЯИ совсем не знал английского. Это было во время четырехмесячной командировки Владлена Николаевича из ОИЯИ в ЦЕРН, в Женеву.

В период горбачёвской перестройки, чтобы получать неискаженную информацию об интересных процессах, идущих в Китае, Владлен Николаевич взялся, казалось бы, за неподъёмную задачу освоения китайского языка. И менее чем за полтора года он уже знал более трех тысяч иероглифов.

— Мне даже удалось подписаться на несколько китайских газет и журналов, — сдержанно восклицает Владлен Николаевич, — но, к сожалению, через два года после событий на площади Тяньаньмынь обмен периодикой с Китаем был прерван по идеологическим причинам.

А как-то он решил проверить на себе метод Каго Ломб, венгерской писательницы и переводчицы, изучившей самостоятельно более пятнадцати иностранных языков. Заключается этот метод в полном погружении в язык. Пользоваться словарем нельзя, работаешь только

с учебником. О значении слов догадываешься по контексту. Условие одно — книга должна быть толстой и увлекательной, например, детектив. Сама Като Ломб, когда намеревалась изучить очередную книгу, брала Библию на этом языке, а Библию она знала наизусть.

— Удивительно, — улыбается Владлен Николаевич, — но к концу диктанта я забыл, что читаю на совершенно новом для себя языке. Весь процесс увлекателен еще и тем, что такой метод чтения сродни распутыванию ребусов или занимательных головоломок. А главное то, что слово, значение которого ты отгадал, забыть уже практически невозможно.

Из своих достижений за последние десять лет Владлен Николаевич выше всего ценит не достигнутые им научные результаты, а тот факт, что он сумел найти своих бывших одноклассников, вместе с которыми в 1953 году окончил русскую среднюю школу № 26 в Риге. Это два выпускных класса, семьдесят выпускников. Поиски этих людей он начал осенью 2002 года, за полгода до 50-летия со дня окончания школы.

— Трудности были огромные, — вспоминает Владлен Николаевич. — Кроме записной книжки школьных лет с несколькими устаревшими адресами и уже несуществующими номерами рижских телефонов, для начала не было ничего. Два месяца поисков в Интернете ничего не дали: поколение начала 50-х годов не освоило современную технологию. Как искать одноклассниц, когда они, как правило, меняют фамилию, выходя замуж? Как искать человека, когда неизвестно, в какой стране, в каком городе он живёт? Кроме того, кто из нас в школе интересовался отчеством своих одноклассников? Даже год рождения можно было назвать лишь приблизительно, ведь на судьбу многих учеников того времени наложила свой отпечаток недавно закончившаяся война. Ребята после окончания школы разлетелись по всей стране, многие из них поступили в военные училища, а значит, всю свою последующую жизнь по воле обстоятельств их кидало не только по нашей стране, но и по всему миру.

Казалось бы, часть сведений можно почерпнуть из школьных архивов, но только не в Латвии. Потому что там вскоре после «возрождения латвийской независимости» стали закрываться русские школы. Не избежала печальной участи и школа, которую окончил Шигаев. Закрыли ее прямо накануне 1 сентября, после того как был проведен ремонт с активным участием учеников. Полиция предъявила решение властей, блокировала школу, а из ее помещений прямо на территорию школьного двора были демонстративно выброшены документация и архив. Ученики пытались спасти то, что было возможно.

История поисков одноклассников оказалась настолько увлекательной, что захватила Владлена Николаевича целиком, потребовав от него больших затрат личного времени, средств, изобретательности, огромного напряжения и упорства на протяжении нескольких лет. Эта история заслуживает отдельного рассказа.

— И вы знаете, — делится своей радостью Владлен Николаевич, — подавляющая часть выпускников была найдена. Были организованы даже встречи выпускников в Риге и Москве — две одновременные встречи с телефонной связью между группами. Была создана Книга памяти о тех, кто не дожид до этого дня, с описанием их жизненного пути; подготовлен большой материал об учителях. Кроме того, у каждого из выпускников теперь есть на руках полные списки почтовых адресов и телефонов друг друга.

...С телевизором Владлен Николаевич расстался лет десять назад и случайно доволен этим поступком. Рассказывая о чем-то, он плавно, как дирижер, поигрывает в воздухе левой рукой — правая при этом занята газетой или раскрытой книгой.

Одевается он просто, даже слегка небрежно. Зимой ходит в коричневатой куртке не первого года свежести и старой вязаной шапочке темно-синего цвета. Летом — в светлых брюках и финке. Но никогда на его щеках или подбородке нельзя было заметить следов щетины. Брови, густые, с сединной, тоже всегда аккуратно приглажены. Баки подстрижены Прическа мыслителя: голая макушка, зато пышное обривание седых волос по вискам и затылку.

Но у него удивительно молодые глаза — без признаков усталости, красных прожилок и тем более желтизны. Сказывается, по-видимому, здоровый образ жизни!

Он помнит множество советских кинофильмов, и, будучи в хорошем настроении, любит напевать понравившиеся мелодии.

Кстати, воспроизводит их весьма точно — у него отличный слух и неплохой голос, хотя сам он никогда не соглашается с таким утверждением. А вот зрением его природа слегка обделила — он частично дальтоник: не различает определенные оттенки цвета. Зато у него феноменальная память! Сколько высказываний героев из кинофильмов он знает наизусть! Сколько помнит баек, анекдотов и разных забавных случаев, которыми всегда может блеснуть, если это к месту.

Любой предмет разговора тут же вызывает в нем целый набор ассоциаций, и порой, слушая его, я только удивляюсь: ну и память! Ну, и кругозор! Эрудит и в то же время остроослов и любитель юмора, словом, талантливый человек!

Когда я подарила ему книжку своих стихов, он на другой же день прочитал мне шуточные стихи собственного сочинения:

Не Казакова я и не Кушнир,
И от Рубальской нет во мне ни грана,
Зато моим стихом глаголет русский мир
От северных морей до Казахстана.

Я была приятно удивлена. Поинтересовалось, много ли у него своих стихов. Он признался, что раньше писал их чаще, но теперь на всё не хватает времени.

Когда в мире и, прежде всего, в средствах массовой информации кабили тревогу по поводу свиного гриппа H1N1 (по-английски эйч ван эн ван), Владимир Николаевич тут же откликнулся стихотворением на злобу дня, назвав его «Дубенской застольной»:

Нам грипп «эйч ван эн ван» совсем не страшен:
Смертелен он для янки, а не рашен.
К тому же, мы в Дубне
Пьем только шардоне,
Забыв о самоваре нашей Маши.
Пройдя через горнило испытаний,
Мы с высоты и опыта, и знаний
Плюём на грипп любой:
И птичий, и свиной,
И даже тот, что будет, — обезьяний!

Как ясно из текста, из вин он предпочитает шардоне.

— Врачи, конечно, рекомендуют нам пить красные сухие вина, как наиболее полезные, — объяснял он. — Но красные вина легко подделать, добавив различные примеси. Поэтому я чрезвычайно осторожно отношусь к продаваемым сейчас винам. Поэтому для себя я выбрал белое вино, а именно, шардоне. Во-первых, белые вина труднее подделывать. Во-вторых, этот сорт винограда настолько хорош, что сделать из него плохое вино просто невозможно.

— А знаете, как переводится «шардоне» на русский язык? — поинтересовалась я.

Он озадаченно покачал головой.

— В переводе с французского — «заросший чертополохом». Сорт винограда назван в честь небольшой деревушки Шардоне.

Владлен Николаевич даже посвятил шуточное стихотворение этому вину — подражание известному «Шаганэ...» Есенина:

Шардоне ты мое, шардоне!
Потому, что непьющий я, что ли,

Я тебя пригубил, но — не боле,
Шардоне ты моё, шардоне!
Не грусти, не печаль последкусье,
Обещаю: на новой луне,
Так и быть, я тобою упьюся,
Шардоне ты моё, шардоне!
Не грешно захмелеть да забыться
В нашей зыбкой Тверской стороне.
Будет берег Лазурный мне снится,
Шардоне ты моё, шардоне!

Читал он его с выражением, а закончив чтение и увидев мою реакцию, мягко рассмеялся, довольный произведенным впечатлением. А к следующей нашей встрече он сочинил к тексту мелодию на три четверти и спел получившуюся песню.

Родился Владимир Николаевич в городе Ржеве, в семье офицера.

Его отцу приходилось время от времени менять место службы, а Владимиру, соответственно, терять старых друзей и находить новых. В детстве он жил вместе с родителями в Азербайджане, в среднем и старшем школьном возрасте — в Латвии. Владимир Николаевич рассказывал, как они ехали в Ригу — в вагонах-теплушках, в каждом вагоне по несколько семей военнослужащих. Поезд часто останавливался, не только на станциях или полустанках, а просто на природе — посреди лесов и полей. Пассажиры выскакивали на влажную землю, разжигали неподалеку от вагонов костры, готовили горячую еду. У Владимира было ощущение, что они кочуют по незнакомой местности, как цыганский табор. Воспоминания об этом переезде остались светлыми. Латвия поразила его совершенно незнакомой архитектурой и непривычной чистотой улиц. Здесь не было разрухи, разбитых бомбежками домов. Приезжим выделили весьма скромное жильё; селили офицерские семьи довольно плотно, неукоснительно соблюдая главное правило: ни в коем случае не стеснять коренных жителей.

Владлен Николаевич и сейчас помнит некоторые слова по-азербайджански и многие латышские фразы и выражения. Однажды он рассказал мне, как с помощью программы GOOGLE.EARTH увидел свою школу в Риге, и сколько в его душе веколыхнулось в эти минуты чувств, ведь школа оказалась точно такой же, какой была во времена его юности!

Впечатления раннего детства, связанные с Азербайджаном, его мягким, южным климатом, мусульманским бытом соседей, тоже подчас бережат его чуткую душу.

Как узок серп луны
 В первую ночь Рамадана!
 Холодным клинком ятагана
 На небе — привет из страны,
 Которую я полюбил,
 Где юные годы прожил,
 С которой в разлуке полвека,
 Чьи кисти глициний и запах чурека
 Не позабыл.

Память живая — в живых живёт,
 Но время живых не жалеет:
 Уже и тебя называют иначе — Гянджа.
 Долгих разлук паранджа
 Тяжелеет,
 О будущих встречах зурна не поёт.

Здесь северный край, здесь древняя Тверь,
 И некому знать, что идёт ураза...
 В безлунные ночи тоскующий зверь
 Звёздам смотрит в глаза.

Это стихотворение Владимир Николаевич посвятил городу Кирово-
 баду, в котором проживал с 1940 по 1946 год.

Родной дядя Шигава по матери Иван Петрович Пушкин, как и
 мать Вера Петровна, были родом из села Оленино Тверской области. У
 Ивана Петровича не было сыновей, только две дочери, сыновей было
 бы легче разыскать по фамилии, с девочками сложнее. Их труднее
 найти, ведь они могли многократно выходить замуж и каждый раз ме-
 нять свою фамилию. Владимир Николаевич однажды посетовал, что, к
 великому сожалению, потерял связь с этой, довольно близкой, своей
 родней. Он был единственным ребенком в семье, и теперь у него не
 осталось никого.

Боль одиночества, по-видимому, порой давала о себе знать, проры-
 ваясь из сердца стихами:

Умру ли я в часы промозглой рани
 Иль умру на гаснущей заре...
 Легче жизнь отдать на поле брани,
 Чем почить в бедняцкой конуре.

Как я жил, покроет время тайной.
 Всё, что сделал, порастёт бобьём.
 В этот мир явился я случайно
 И уйду случайным бобьём.

Кто ж он будет, мой дружок милый,
 Как и я, из этих русских мест,
 Кто, скорбя, на свежий холм могилы
 Мне поставит православный крест?

О себе давно я не горюю.
 Об одном прошу я и молось:
 Землю нашу сбереги родную,
 Сохрани, Господь, Святую Русь!
 Землю нашу защити родную,
 Защити, Господь, Святую Русь!

Интересы Владимира Николаевича были и остаются, как у всякого
 талантливое человека, самыми разнообразными. Он тщательно от-
 слеживает в Интернете новости политики и науки. Выяснив о том, что
 в определенный день и час из Дубны можно будет увидеть невоору-
 женным глазом, как пролетает международная космическая станция,
 он тут же стал искать в городе подходящую точку обзора. И вовсе не
 собирался пропустить это событие!

Глядя на него, деятельного, предвкушающего приятные моменты
 исследования и оттого возбужденного, я вспомнила, как когда-то мы,
 еще школьники, коптели стекла накануне солнечного затмения. И по-
 том, защищая черным стеклышком глаза, с увлечением разглядывали,
 как солнце закрывается черным пятном и как потом снова начинает
 превращаться в обычное светило, каким мы его всегда знали.

— Нужно найти такое место, чтобы моему наблюдению за этой стан-
 цией не мешали кроны деревьев, дома и уличное освещение, — озабо-
 ченно говорил Владимир Николаевич, делясь со мной своими планами.
 — И к тому же, выбрать это место так, чтобы в полумраке не споты-
 каться о камни.

Потом я заинтересовалась, нашел ли он такое место и видел ли кос-
 мическую станцию. Оказывается, наблюдательный пост для себя он
 выбрал в окрестностях школы № 8, расположенной на улице Векслера.

— На что была похожа станция? — спросила я у него.

— На торжественно движущуюся звезду, — ответил он, и настрое-
 ние у него все еще оставалось приподнятым. — Более яркую, чем круп-
 ные планеты Солнечной системы.

В наши дни Владимир Николаевич продолжает заниматься реше-
 нием актуальных проблем автоматизации современного физическо-
 го эксперимента и анализа экспериментальных данных. Ставит перед
 собой сложные научно-исследовательские задачи, ищет алгоритмы,
 оценивает результаты. У него выработались свои принципы в профес-

сиональной деятельности. Он не склонен братья за решение задач, с которыми может успешно справиться кто-либо другой. Но если со-трудников постигает неудача или когда полученное ими решение не вполне удовлетворительно, вот тогда наступает его очередь. И задача, как правило, оказывается решенной эффективно.

Несмотря на свои успехи в науке, это очень скромный человек. Ученый старой закалки, советской закваски. В нем чрезвычайно развито чувство долга перед страной, в которой он родился, перед памятью своих родных и близких. Его не сломали годы перестройки, безденежье, отсутствие истинного интереса высшего руководства страны к со-стоянию дел в науке. Он трудится не ради денег, не ради ученых зва-ний и степеней, а ради Дела, которому привык служить.

И с искренней болью задумывается: а кто придет на смену?

